

Александр Восьмой

УЖАСЫ Осколки забытых снов
(Даффи Толстяк)

Александр Восьмой УЖАСЫ Осколки забытых снов (Даффи Толстяк)

<https://litres.ru/74046336>

SelfPub; 2026

Аннотация

Художник, страдающий от ночных кошмаров, обнаруживает, что его картины начинают сбываться. Каждый мазок — это пророчество, и чем точнее он рисует, тем страшнее становятся события в реальности. Он должен понять, как стереть то, что уже создано.

Александр Восьмой

УЖАСЫ Осколки забытых снов (Даффи Толстяк)

Глава 1. «Тени, что шепчут в темноте»

Марк припарковал машину у обочины, и мотор, отработав свой долгий путь, затих с усталым вздохом. Дом стоял на отшибе, будто сам отгородился от города — покосившийся, серый, с тёмными провалами окон, похожими на пустые глазницы. Ветви старого вяза тянулись к крыше, словно хотели обнять её или задушить. Марк смотрел на дом, и в груди разрастался тяжёлый комок — не из-за пыли, не из-за сырости, которую он уже чувствовал даже сквозь закрытое окно машины, а из-за того, как этот дом помнил его. И, хуже того, как он сам помнил дом.

Он вышел, хлопнув дверью, и звук этот прозвучал неестественно громко, будто дом не привык к гостям и хотел поскорее избавиться от лишнего шума. Скрип ступеней под ногами был знакомым до боли — тот же самый, что преследовал его в снах все эти годы. Замок щёлкнул неохотно, будто не хотел пускать Марка обратно, и, когда дверь наконец поддалась, на него пахнуло холодом и чем-то затхлым, как будто время здесь остановилось и начало медленно гнить.

Внутри было темно. Марк нашарил выключатель, щёлк-

нул — и лампочка под потолком вспыхнула тускло, неуверенно, словно сомневаясь, стоит ли вообще освещать это место. Гостиная встретила его пыльными силуэтами мебели, накрытой старыми простынями, и тишиной, которая не была спокойной. Это была тишина, в которой что-то пряталось и ждало. Она давила на виски, проникала под кожу, заставляла сердце биться быстрее.

Марк бросил сумку на пол, и звук удара прозвучал слишком громко, как вызов. Он не хотел здесь оставаться, но и уехать уже не мог — будто дом держал его невидимыми нитями, тянущимися из детства, из страхов, которые он так и не смог забыть.

Ночь пришла быстро, как будто её специально торопили. Марк пытался читать, но буквы сливались в бессмысленные пятна. Пытался слушать музыку, но каждый звук казался чужим и неуместным в этом доме. В конце концов он сдался, погасил свет и лёг, уставившись в темноту, где тени сплетались в причудливые узоры. Он думал, что не сможет уснуть, но усталость взяла своё, и он провалился в сон — резкий, как падение в колодезь.

Ему снилось, что пол под ним трескается. Тонкие линии расползались по доскам, как вены, и из этих трещин поднимались чёрные фигуры — без лиц, без очертаний, только тьма, принявшая форму. Они тянули к нему руки — длинные, тонкие, с пальцами, похожими на сухие ветки. Марк хотел закричать, но голос застрял в горле, а фигуры всё тяну-

лись, тянулись, и между ними шелестел шёпот — слова, которых нельзя было разобрать, но смысл которых был предельно ясен: «Ты вернулся. Теперь ты наш».

Он проснулся резко, будто кто-то дёрнул его за плечо. Сердце колотилось где-то в горле, рубашка прилипла к спине от холодного пота. В комнате было темно, но не так, как раньше — теперь темнота казалась плотной, осязаемой, будто она была живым существом, свернувшимся в углу и наблюдавшим за ним.

Марк сел, тяжело дыша, и посмотрел на пол. В первые секунды ему показалось, что это просто игра света и тени, обман уставших глаз. Но линии были настоящими — тонкие, едва заметные трещины расползлись по доскам, повторяя узор из его сна. Он провёл по ним дрожащими пальцами, не веря, но чувствуя под кожей холод дерева и острые края расколов.

В углу стояла старая этюдница, покрытая слоем пыли. Марк подошёл к ней, открыл, и запах краски ударил в нос — резкий, знакомый, почти утешительный в этом чужом и враждебном месте. Он взял кисть, не думая, зачем — просто чтобы сделать хоть что-то, чтобы заглушить эхо крика, всё ещё звучавшего у него в голове. Тюбики с краской поддавались неохотно, будто и они не хотели участвовать в этом, но Марк выдавил на палитру чёрный, серый, немного тёмно-синего — цвета его кошмара.

И он начал рисовать. Не как художник, не ради искусства

— а как человек, который пытается удержать реальность, пока она не рассыпалась на осколки. Он рисовал то, что видел во сне: трещины, расползающиеся по полу, чёрные фигуры, поднимающиеся из них, их вытянутые руки, тянущиеся к нему. Мазки ложились на холст нервно, торопливо, будто он боялся, что если остановится, то кошмар вернётся и на этот раз не отступит.

Когда он закончил, за окном уже серело утро. Картина стояла перед ним — мрачная, угрюмая, полная напряжения. Марк смотрел на неё и чувствовал, как внутри разрастается пустота, смешанная с ужасом. Он не знал, что только что сделал, но чувствовал — это было что-то неправильное. Что-то, что нельзя было делать.

Он подошёл к полу и снова посмотрел на трещины. Они стали чуть шире, чуть глубже, будто за ночь успели вырасти. И в одной из них, в самой глубокой, мелькнуло что-то — тень, движение, словно под полом кто-то шевелился.

Марк отшатнулся, уронив кисть. Краска капнула на пол, тёмно-красная капля упала рядом с трещиной и медленно растеклась, как кровь. И в этот момент он понял: его картины не просто отражают его страхи. Они создают их. Каждый мазок — это приглашение для тьмы. И теперь, когда он вернулся в этот дом, тьма была готова войти.

Глава 2. «Мазки, что ломают мир»

Утро не принесло облегчения. Наоборот, оно легло на город серым, плотным покрывалом, будто небо решило спрятать от людей всё лишнее — в том числе и надежду на то, что ночные кошмары остаются только во сне. Марк стоял у окна, держа в руках чашку остывшего кофе, и смотрел на дом напротив — заброшенный, с выбитыми окнами, похожий на череп с пустыми глазницами. И в одном из этих окон, на втором этаже, мелькнула тень.

Не движение. Не блик. А именно тень — силуэт женщины в длинном платье, застывший на долю секунды и тут же растворившийся в полумраке комнаты. Марк моргнул, и её уже не было. Он сжал пальцами край подоконника так, что побелели костяшки.

«Это просто ветер шевелит занавеску, — твердил он себе. — Просто старое здание, просто игра света». Но в голове, как заезженная пластинка, крутилась другая мысль: *вчера вечером я нарисовал её.*

На холсте она стояла у окна — неподвижная, с опущенными плечами, будто прислушивалась к чему-то, чего не мог услышать никто другой. Марк помнил, как наносил мазок за мазком, почти не глядя, ведомый каким-то внутренним импульсом, который был сильнее его воли. Он не придумывал этот образ — он будто вспоминал его, хотя никогда не видел этой женщины.

Теперь она была там. В реальности. Или её тень была там. Этого было достаточно, чтобы холодный пот выступил на за-

тылке.

Марк отошёл от окна, будто боялся, что, если будет смотреть слишком долго, тень снова появится и на этот раз не исчезнет. Он вернулся к картине, поставил её так, чтобы видеть целиком, и уставился на неё, словно она могла дать ему ответы. Но полотно молчало. Оно только впитывало свет и возвращало его обратно — тёмным, искажённым, чужим.

В дверь позвонили — резко, настойчиво, три раза подряд. Звук ворвался в тишину дома, как крик, и Марк вздрогнул. На пороге стояла Лиза.

Она выглядела так, будто собиралась не в провинциальный городок к бывшему парню, а на фронт: в джинсах, толстовке, с рюкзаком за плечами и решимостью в глазах, которую Марк когда-то любил, а теперь она казалась ему почти пугающей — потому что Лиза всегда видела больше, чем хотелось бы.

— Ты не отвечал на сообщения, — сказала она, не дожидаясь приглашения, и шагнула внутрь, тут же морща нос от запаха сырости. — Я начала думать, что ты... ну, не знаю. Что-то случилось.

Марк хотел сказать, что всё в порядке, что он просто устал, что дом давит, а сны слишком яркие. Но слова застряли в горле, потому что рядом с Лизой реальность казалась нормальной, а значит, всё, что происходило с ним, выглядело ещё более безумным.

— Спасибо, что приехала, — выдавил он наконец. — Про-

сти, что не отвечал. Тут... плохо ловит связь.

Лиза окинула взглядом гостиную, задержалась на картине у стены, и её взгляд стал острее.

— Это новое? — спросила она, кивнув на полотно. — Выглядит... жутко.

Марк кивнул, не зная, что ещё сказать.

— Ты всё ещё рисуешь эти кошмары? — продолжила Лиза, подходя ближе. — Марк, ты же раньше писал пейзажи, портреты... что с тобой происходит?

Он хотел объяснить, но как рассказать о том, что сам не понимал? Как признаться, что боится брать кисть, но не может остановиться? Что каждый мазок — это как шаг по тонкому льду, и он уже чувствует, как тот трещит под ногами?

— Не знаю, — прошептал он. — Просто... они приходят. И если я не рисую, становится хуже.

Лиза посмотрела на него долго, внимательно, будто пыталась разглядеть за усталостью и страхом того Марка, которого знала когда-то. Потом вздохнула и сказала:

— Ладно. Давай сначала выпьем кофе. А потом ты мне всё расскажешь. Даже если это звучит как бред. Я здесь.

Они просидели за кухонным столом несколько часов, разговаривая о пустяках — о старых друзьях, о городе, о том, как Лиза устроилась на новую работу. Марк ловил себя на том, что почти расслабляется, что голос Лизы — спокойный, чуть хрипловатый от дороги — как будто отгораживает его от тьмы, которая притаилась в углах дома.

Но когда солнце село, и тени в комнате стали длиннее, спокойствие начало таять. Марк чувствовал, как внутри снова поднимается то самое напряжение — зуд в пальцах, потребность взять кисть, заполнить пустоту на холсте, пока пустота не заполнила его самого.

Лиза заметила это. Она увидела, как его взгляд скользит к этюднику, как пальцы сжимаются в кулаки, будто он пытается удержать себя.

— Марк, — тихо сказала она. — Не надо. Пожалуйста. Ты выглядишь так, будто тебя разрывает изнутри.

Он посмотрел на неё, и в её глазах было столько заботы, что на мгновение ему захотелось всё бросить — сжечь картины, уехать отсюда, забыть про этот дом и про свои сны. Но вместо этого он прошептал:

— Я не могу. Если я не нарисую... оно останется во мне. И станет сильнее.

Лиза хотела возразить, но что-то в его голосе остановило её. Она только кивнула, села в кресло и сказала:

— Тогда я посижу здесь. И буду с тобой.

И Марк начал рисовать.

На этот раз он не пытался воссоздать кошмар. Он хотел нарисовать что-то светлое — окно, за которым садится солнце, ветку сирени, тень от занавески. Но кисть будто жила своей жизнью: вместо солнца на холсте появился тёмный круг, похожий на затмение, вместо сирени — голые, узловатые ветви, а в центре композиции снова возникла фигура — та

самая женщина, теперь уже не у окна, а посреди пустой улицы, под низким, тяжёлым небом.

Лиза молчала. Она смотрела, как Марк работает — быстро, почти лихорадочно, как будто боялся не успеть. Его движения становились всё резче, мазки — грубее, и с каждым из них в комнате становилось темнее, будто картина вытягивала свет из окружающего мира.

Когда он закончил, за окном уже стояла глубокая ночь. Картина стояла перед ним, мрачная и зловещая, и казалось, что женщина на ней вот-вот сойдёт с холста и шагнёт в комнату.

Лиза подошла ближе, вглядываясь в детали, и вдруг тихо ахнула.

— Марк... — прошептала она, указывая на окно. — Посмотри.

Он обернулся. И увидел.

На улице, напротив дома, на пустой, тёмной дороге, стояла фигура. Точь-в-точь как на картине. Та же поза, то же длинное платье, та же неподвижность, от которой кровь стыла в жилах. Она стояла и смотрела прямо на окно, за которым они находились.

Марк почувствовал, как земля уходит из-под ног. Он сделал шаг вперёд, прижался лбом к холодному стеклу, будто хотел убедиться, что это не иллюзия. Но фигура не исчезла. Она была настоящей. Или, что было ещё страшнее, она стала настоящей — потому что он нарисовал её.

Лиза схватила его за руку, её пальцы впились в его кожу. — Что это? — прошептала она. — Как это возможно?

Марк не ответил. Он смотрел на фигуру, и в голове у него билась только одна мысль, холодная и беспощадная: *я создал её*.

Тень на улице медленно подняла руку — не угрожающе, а будто прося о чём-то, — и на мгновение Марку показалось, что она знает его. Что она ждала его возвращения. Что он не просто художник, а проводник, через которого мир становится чуть более тёмным, чуть более опасным.

Потом фигура повернулась и пошла прочь, растворяясь в ночной мгле, пока не исчезла совсем.

Марк остался стоять у окна, чувствуя, как по спине стекает холодный пот, а в груди разрастается пустота, которую не заполнить ни словами, ни красками. Теперь он знал наверняка: его картины не отражают реальность. Они её создают. И с каждым мазком мир вокруг него становится всё более хрупким — и всё более подвластным его страхам.

Глава 3. «Галерея проклятых образов»

Лиза долго подбирала слова. Она сидела на краешке старого дивана, теребя край свитера, и смотрела на Марка так, будто пыталась разглядеть в нём того парня, с которым когда-то смеялась над глупыми фильмами и мечтала о большой

выставке в центре города. Теперь он смотрел мимо неё, будто видел что-то за её спиной — что-то, чего она не могла увидеть.

— Марк, послушай, — наконец сказала она, голос её звучал твёрже, чем она чувствовала себя внутри. — Ты не можешь прятать эти работы в четырёх стенах. Да, они мрачные. Да, от них мурашки по коже. Но в этом есть сила. Я знаю куратора в городской галерее — он ищет что-то «настоящее», что бьёт под дых. Давай покажем им твои картины. Пусть люди увидят, что ты чувствуешь. Может, когда ты увидишь, что это ценят, тебе станет легче держать это под контролем.

Марк усмехнулся, но в этой усмешке не было веселья — только горечь и усталость.

— Ты не понимаешь, — тихо произнёс он. — Это не просто эмоции на холсте. Это... двери. И я не знаю, кто или что стоит по ту сторону.

Лиза хотела возразить, сказать, что он переутомился, что это всё из-за дома, из-за снов, из-за того, что он слишком долго был один. Но она видела, как дрожат его руки, когда он упоминает свои картины, и поняла: спорить бесполезно. Вместо этого она просто взяла его за руку и сказала:

— Тогда я пойду с тобой. На каждом этапе. Я не дам тебе остаться с этим наедине.

И он согласился. Не потому, что поверил в её слова, а потому, что у него не осталось сил сопротивляться.

Галерея «Хронос» располагалась в перестроенном складе — высокие потолки, бетонные стены, холодный свет. Здесь любили выставлять «неудобное» искусство — то, что заставляло зрителя чувствовать себя не в своей тарелке. Марк стоял в центре зала, пока кураторы расставляли его полотна, и ему казалось, что картины смотрят не на стены, а на него — тяжёлым, обвиняющим взглядом.

Лиза была рядом, шептала что-то ободряющее, но её слова терялись в гуле собственных мыслей Марка. Он не хотел, чтобы эти работы увидели чужие глаза. Он чувствовал, что, выставляя их напоказ, он распахивает окна в дом, где живёт тьма.

Открытие выставки началось как обычное культурное событие: приглушённый свет, бокалы с шампанским, вежливые разговоры. Первые посетители подходили к картинам, наклоняли головы, щурились, пытались «понять посыл». Марк наблюдал за ними, стоя в тени, и ждал.

А потом что-то изменилось.

Сначала это были едва уловимые детали. У одной женщины, рассматривавшей полотно с изображением тёмного коридора, вдруг посинели пальцы — будто она держала их на морозе. Мужчина, застывший перед картиной с безликими фигурами, внезапно потёр грудь, словно почувствовал резкую боль, и отошёл, бледный, с расширенными зрачками.

— Здесь так холодно, — пробормотала девушка рядом с

Лизой, кутаясь в шарф, хотя в зале работала вентиляция и температура была комфортной. — Как будто из картин дует.

Лиза нахмурилась и посмотрела на Марка. Он стоял, прижавшись спиной к стене, и не отрывал взгляда от зала. Его лицо было белым, как мел.

Постепенно разговоры стихли. Люди перестали обсуждать композицию и технику. Вместо этого они начали прислушиваться — к тишине, которая становилась всё гуще, к странным звукам, которых не должно было быть: шёпоту, доносящемуся будто из самих полотен, скрипу старых половиц, которого не могло быть в бетонном здании.

Одна из посетительниц — молодая девушка с яркими серьгами и смелым взглядом — подошла к самой большой картине. На ней была изображена заброшенная больница: облупившиеся стены, пустые палаты, коридор, уходящий в непроглядную тьму. Девушка смотрела на полотно так, будто пыталась что-то вспомнить. Её лицо разгладилось, напряжение ушло, и на губах появилась лёгкая улыбка — странная, почти блаженная.

Она протянула руку и коснулась холста — едва-едва, кончиками пальцев, будто проверяя, настоящая ли краска. И в тот момент, когда её кожа соприкоснулась с поверхностью, воздух вокруг неё дрогнул, как над горячим асфальтом летом.

Лиза заметила это первой. Она шагнула вперёд, собираясь окликнуть девушку, но не успела.

На долю секунды фигуру посетительницы окутало слабое голубоватое свечение — такое тусклое, что его можно было принять за игру света. А потом она исчезла. Просто растворилась, как дым, оставив после себя только лёгкий запах озона и пустое пространство.

В зале повисла мёртвая тишина. Никто не кричал — сначала никто даже не понял, что произошло. Люди моргали, оглядывались, пытались осознать: куда делась девушка, которая только что стояла у картины?

А полотно изменилось.

Там, где раньше был пустой коридор, теперь виднелся слабый силуэт — едва различимый, полупрозрачный, но безошибочно узнаваемый: это была та самая девушка. Она стояла, слегка наклонив голову, будто прислушиваясь к чему-то, и её лицо было спокойным, почти счастливым.

Марк издал звук — не крик, не стон, а что-то среднее между ними — и бросился к картине. Он хотел сорвать её со стены, разорвать, сжечь, сделать хоть что-нибудь, чтобы вернуть то, что только что исчезло. Но Лиза схватила его за руку, удерживая.

— Марк! — её голос дрожал, но был твёрдым. — Остановись. Посмотри на них.

Он обернулся. Посетители стояли, застыв, как статуи. Кто-то прижимал руки к ушам, будто пытался заглушить шёпот, который теперь слышался отчётливо — тихий, настойчивый, исходящий отовсюду и ниоткуда одновременно. Кто-

то плакал, не понимая почему. А некоторые... некоторые продолжали смотреть на картины. Их глаза были пустыми, зачарованными, и в них не было страха — только странное, жуткое спокойствие.

Куратор, который ещё час назад с энтузиазмом рассказывал о «новаторском подходе» Марка, теперь сидел на полу, обхватив голову руками, и повторял одно и то же: «Я не хотел этого видеть. Я не хотел этого видеть».

Лиза потянула Марка к выходу. Они бежали по коридору, мимо картин, которые, казалось, провожали их взглядами, мимо людей, которые уже не были просто зрителями, а стали частью чего-то большего — чего-то тёмного и древнего.

Оказавшись на улице, они жадно глотали прохладный ночной воздух, будто пытались смыть с себя липкий ужас, оставшийся внутри галереи. Марк прислонился к стене, тяжело дыша, и посмотрел на Лизу. В его глазах было столько боли и ужаса, что она не смогла ничего сказать — только обняла его, крепко, до хруста в костях, как будто могла защитить его от того, что он сам создал.

— Я думал, если покажу их людям, они перестанут иметь надо мной власть, — прошептал он, уткнувшись ей в плечо. — Я думал, что, разделив этот кошмар, я стану сильнее. Но я только... я только открыл дверь шире.

Лиза отстранилась и взяла его лицо в ладони, заставляя смотреть себе в глаза.

— Мы найдём способ всё исправить, — твёрдо сказала

она. — Но сначала ты должен рассказать мне всё. С самого начала. Без утайки. Потому что теперь это касается не только тебя.

Марк кивнул, но в его душе уже зрело понимание, от которого становилось холоднее, чем в проклятой галерее: он не просто художник. Он — проводник. И тьма, которую он рисует, больше не довольствуется тем, чтобы пугать его во сне. Она хочет войти в мир. И она нашла способ.

Глава 4. «Голос из-под холста»

Ночь после выставки не была просто тёмной — она была *тяжёлой*, словно небо опустилось ниже, придавив город к земле. Марк не мог оставаться в галерее, не мог смотреть на свои картины, которые теперь казались ему не произведениями искусства, а ловушками. Он вернулся домой, и дом встретил его не скрипами и шорохами, а молчанием — таким плотным, что оно звенело в ушах.

Лиза хотела остаться с ним, но он почти вытолкнул её за дверь — не из жестокости, а из страха. Страх, что тьма, живущая в его работах, дотянется и до неё. Как только за Лизой захлопнулась дверь, Марк бросился к холстам. Они стояли в ряд у стены, мрачные, неподвижные — и в то же время будто дышащие.

— Нет, — прошептал он, хватая нож для палитры, лезвие

которого тускло блеснуло в свете одинокой лампы. — Этого не может быть. Я могу это стереть. Я должен.

Он поднёс острière к первому полотну — к тому, где безликие фигуры тянулись из темноты. И провёл по поверхности, яростно, резко, пытаясь соскоблить краску, уничтожить образ, который стоил человеческой жизни.

Но лезвие лишь скользнуло по холсту, не оставляя следа. Марк надавил сильнее, до хруста в пальцах, до вздувшихся вен на руках. Краска не поддавалась. Она не крошилась, не сдиралась — она будто *срослась* с тканью, с воздухом, с самой реальностью. Казалось, что мазки стали толще, плотнее, как застывший воск, и даже цвет их изменился — стал глубже, почти живым.

Марк отшатнулся, выронив нож. Тот звякнул о пол, звук прозвучал неестественно громко, как насмешка.

— Этого не может быть, — снова прошептал он, но уже без уверенности. — Это просто краска. Просто холст.

Он попробовал другой способ — схватил банку растворителя, плеснул на полотно, яростно тёр тряпкой. Но жидкость не разъедала краску — она стекала по поверхности, как вода по стеклу, не впитываясь, не меняя ни оттенка, ни фактуры. Более того, в тех местах, куда попадал растворитель, холст слегка *пульсировал*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.